

Э. Бенвенист, анализируя отношения означающего и означаемого в семиотическом процессе, в знаке, пришел к выводу о закономерности, необходимости их связи, мотивируемой смежностью. «Вместе они (означающее и означаемое. — Т. Х.) запечатлены в моем сознании, вместе возникают они и в представлении при любых обстоятельствах»⁸. При этом Бенвенист не проанализировал, однако, вопроса о том, как преломляется случайность (в соссюрсовском смысле, вне семиотического процесса) связи означающего и означаемого в самом семиотическом процессе.

Оригинальность концепции В. В. Мартынова состоит в том, что он в отличие от Соссюра, как и Бенвенист, ставит вопрос о «произвольности» языкового знака по существу в самом семиотическом процессе, выявляя при этом, однако, в отличие от Бенвениста, тот факт, что случайность связи означающего и означаемого (в соссюрсовском смысле) преломляется и в этом процессе, проявляясь здесь в свободном характере указанной связи. При этом нужно заметить, что, внося необходимые коррективы в соссюрсовскую интерпретацию знака, В. В. Мартынов рассматривает его как трехчленное единство — означающего (1) и означаемых — понятия (2) и представления (3), причем вся суть дела заключается в том, что одно и то же означающее относится конкретным носителем семиотического процесса как к понятию, т. е. повторяющемуся элементу представлений, так и к представлению, т. е. отображению нерасчлененного единства предмета и его признаков, иначе говоря, и к части, и к целому, причем несоответствие такого рода может быть возведено «в ранг универсалий»⁹.

Упомянутую выше «произвольность» (фактически речь идет о свободе) связи между означающим и означаемым нельзя отрицать. В. В. Мартыновым убедительно показаны и ее значение для процесса становления человеческого языка, и возможности ее использования для дальнейшего усовершенствования, упрощения кодов. Нельзя отрицать и того, что именно такая «произвольность» лежит в основе противопоставления знака и сигнала. Означающее в сигнале связано с означаемым необходимо, жестко (хотя в соссюрсовском смысле эта связь так же свободна, как и у знака). Именно поэтому знаковая система в принципе динамична, сигнальная — статична.

Концепция В. В. Мартынова в ее общем виде представляется нам, однако, несколько незавершенной. «Произвольность», которую имеет в виду В. В. Мартынов, относительна. Возможность одновременно соотносить означающее и с целым, и с частью не исключает (поскольку часть и целое всегда смежны), а наоборот, всегда предполагает известную мотивированность, вытекающую, таким образом, из самой внутренней структуры знака. Мы полагаем, что именно мотивированность связи означающего и означаемого, опосредованная самим феноменом человека (иначе говоря, их смежность, а иногда и сходство в глазах носителей семиотического процесса) играет важную роль в этом процессе, на ней основано усложнение кода, нацеленное на вестороннее и полное использование возможностей, тающихся в ассоциативно-эвристическом механизме человеческой памяти.

Констатируя тот факт, что связь между означающим и означаемым и случайна, и закономерна, и свободна, и необходима, и произвольна, и мотивирована, мы не останавливаемся на этой констатации и идем дальше, ставя вопрос, как могут быть использованы указанные свойства знака в различных типах информационных процессов.

Поскольку в концепции В. В. Мартынова не находит, по нашему мнению, должного отражения роль мотивированности связи между означающим и означаемым, мы расстаемся здесь с его книгой и переходим к другим, составляющим предмет нашего обзора.

⁸ Бенвенист Э. Указ. соч., с. 92.

⁹ См. Мартынов В. В. Указ. соч., с. 108.